

Б.Творогов

ПРОЦЕСС СОКРАТА

(отрывки из книги)

"Он первым стал рассуждать о том,
как жить, и первым из философов
был казнен по суду."

Диоген Лаэртций

Процесс Сократа, как известно, состоялся в 399 г. до н.э. Напомним некоторые события, ему предшествовавшие. Изнурительная Пелопоннесская война (431-404), которую афиняне вели со спартанцами и их союзниками, закончилась катастрофическим поражением первых. Афинская морская держава прекратила свое существование, афинянам пришлось срыть знаменитые Длинные стены, соединявшие город с гаванью - Пиреем, демократия была ниспровергнута, власть захватила коллегия из тридцати правителей, опиравшаяся на спартанский гарнизон. Демократия, которая еще в годы войны обнаружила признаки острейшего кризиса, оказалась, однако, жизнеустойчивой. Небольшой отряд смельчаков во главе с Фрасибулом захватил на территории Аттики крепость Филу, и демократы повели оттуда победоносную борьбу с тиранией Тридцати. В 403 году до н.э. демократия была восстановлена. Во главе ее оказались политики умеренного направления. Они провозгласили гражданский мир между партиями - "пирейцев" (демократов-изгнанников) и "городских" - и возвращение к "строю отцов". Особенно подчеркнем эту ориентацию на освященную традицию прошлого. В античности она, как правило, идет рука об руку с заботой о чистоте нравов. Кроме того, режим, таким образом, выдавал себя за нечто такое, чем он заведомо не мог быть, что обостряло его болезненную чувствительность к свободным поискам философии жизни вроде сократовских, тем более, что вожди народа в условиях афинской демократии должны были вся-

кий раз заново подтверждать и завоевывать свой авторитет у масс. Среди руководителей этой реставрированной демократии были Анит, один из обвинителей Сократа.

Обвинители Сократа

"Встретив случайно юношей, пришедших с Понта ради славы Сократа, он отвел их к Аниту, сказав по своему обыкновению: этот мудрее Сократа."

Диоген Лаэртций (об Анти-сфене).

Жалобу подал Мелет, сын Мелета. Подписали ее оратор Ликон и политик Анит.

Мелет, как и его отец, был автором трагедий. Но если старший, быть может, одерживал победы на Дионисиях, то младший как драматург ничем не примечателен. В литературе, посвященной Сократу, сложилась устойчивая традиция считать Мелета подставным лицом, человеком, во всяком случае, возбудившем процесс не из каких-либо принципиальных соображений. Эта традиция восходит еще к Платону, к его "Апологии" и "Евтифрону". Для пересмотра традиции нет никаких данных. О Мелете, обвинителе Сократа, следует еще только отметить, что он не тождествен Мелету, одному из обвинителей Андокида в процессе, который состоялся в том же 399 году. Дело в том, что последний Мелет привел к Тридцати того самого Леонта Саламинца, которого отказался привести Сократ (Андокид, "О мистериях" 94; Платон "Апология" 32). Если

бы два Мелета были бы одним и тем же лицом, этот факт непременно упоминался бы у Платона и Ксенофонта.

Оратор Ликон — другой обвинитель Сократа, — как мы убеждены, является отцом Автолика и именно он выведен в "Пире" Ксенофонта. Действие "Пира" происходит в доме Каллия, который устраивает его в честь Автолика. Ликон и Сократ среди прочих дружно пируют. Причем Ликон, покидая раньше других дом Каллия, говорит на прощание Сократу: "Клянусь Герой, что ты — благородный человек, Сократ, как мне кажется" (1X,1). Такая странная ситуация объясняется логикой жанра симпозиона. Пир не допускает вражды, ибо пир ~~на~~ пределе — "пир на весь мир". (М.Бахтин). Поэтому дружественно беседуют и вместе пьют Сократ и Ликон, его обвинитель; Автолик, жертва режима Тридцати, и Хармид, двоюродный брат Крития, член пирейской коллегии Десяти; а у Платона — Сократ и Аристофан.

Ликон был человеком знатным ("Пир", УШ,7), по-видимому, не слишком богатым (там же, Ш, 13).

Вероятно, Ликон связывал гибель сына при Тридцати с тем, что Автолик водился с компанией, в которой мы видим Хармида, компанией, близкой к Сократу.

Решающую роль среди обвинителей играл Анит. Об этом ясно говорит платоновский Сократ ("Апология", 29с, 18в.) , это вытекает и из того значения, которое Аней имел в тогдашней государственной жизни. Все то, что мы сказали в предыдущей главе о "демократах из Филы" практически относится и к Аниту, и повторяться мы не будем. А кроме этого о политической деятельности его известно совсем немного. Этот вождь народа первым, как сообщает Аристотель, подкупил народных судей, чтобы избежать осуждения за неудачные действия под Пилосом. ("Афинская политика", 27,5). Следует помнить, что Аристотель политическую группу, в которую входил Анит, ценит очень высоко. Поэтому достоверность свидетельства весьма вероятна.

О конце политической деятельности Анита мы ничего

достоверного не знаем — разве только то, что никаких блестящих высот он не достиг. Рассказы о раскаянье афинян и наказании обвинителей Сократа давно уже справедливо отвергнуты критикой.

Анит был кожевником и богатым сыном богатого отца.

И Платон, и Ксенофонт относились к Аниту как политическому деятелю в его группе не без сочувствия. В "Греческой истории" Ксенофонта (П, 3, 42) Ферамен в своей речи упоминает Анита как возможного своего соратника и единомышленника. Расположение же Ксенофонта к Ферамену не вызывает сомнений. Платон же в своем письме (УП, 325в) говорит о порядочности, благожелательности изгнанников (т.е. "демократов из Филы").

Тем интереснее рассмотреть эпизод с Анитом в "Меноне" Платона. То, что этот эпизод нереальный, — вполне очевидно. Сам Платон это недвусмысленно подчеркивает упоминанием взятки, которую будто бы получил фиванец Исмений (событие, которое могло произойти только после смерти Сократа).

Эпизод с Анитом в "Меноне" является одним из шедевров Платона и чрезвычайно интересен с точки зрения поэтики Платона.^{х)} Мы бегло рассмотрим его в связи с нашими целями.

Сократ призывает Анита, который подходит к беседующим, принять участие в обсуждении вопроса, существуют ли учителя добродетели и какие они. В сущности, к нему и может быть отнесена та характеристика, которую Сократ дает его отцу, неизвестному нам Антемиону: не надменный гражданин, не чванный и тягостный, но муж благопристой-

х)

Например, отмеченное свободное обращение со временем. Это не единственный пример. В "Менексене" Сократ переносит слышанную им накануне речь Аспасии, и в ней, среди прочего, говорится о событиях уже Коринфской войны. (События после смерти и Аспасии, и Сократа).

ный. Сократовская ирония основана здесь не на увенчании человека качествами, которыми он не обладает (такое увенчание развенчивает), а на преувеличенном восхвалении тех качеств, которые у человека действительно имеются. Это вообще характерно для сократовской иронии.

Вся характеристика выдержана в духе подчеркнутой односторонней серьезности. Антемион — муж порядочный и благочинный, при этом он человек богатый и накопивший богатство достойным образом. Он и сына, Анита, воспитал прекрасно, как считает большинство афинян, выбирающих его на самые высокие должности. Вот с такими-то людьми, — заключает Сократ, — и надо исследовать, существуют ли учителя добродетели и кто они.

Хотя характеристика формально относится к Антемиону, принять участие в исследовании приглашается Анит. Он, сын Антемиона, является заместителем отца — такого человека, с которым следует говорить о добродетели, — и эту характеристику не только можно, но и следует распространять на Анита, ведь очевидно, что он, а не его отец интересовал Платона.

Сократ. Если мы захотим сделать Менона хорошим врачом, к каким учителям мы пошлем его? Не к врачам ли?

Анит. Конечно, к врачам.

Сократ. А если мы захотим сделать из него хорошего кожевника, то не к кожевникам ли?

Анит. Само собой.

Затем собеседники выясняют, что нелепо посылать учиться играть на флейте, например, к человеку, который вовсе и не говорит, что может обучить игре. Так, вероятно, учиться добродетели следует посылать к людям, которые, по их словам, на это способны.

Анит. Кого же ты имеешь в виду, Сократ?

Сократ. Ты и сам знаешь, что это те, кого люди зовут софистами.

Анит. О Геракл! И не поминай их, Сократ! Не дай бог, чтобы кто-нибудь из моих родных или домашних, или друзей, здешних или иноземных, настолько сошел с ума,

чтобы идти к ним себе на погибель, — потому что софисты — это очевидная гибель и порча для тех, кто с ними водятся.

— Что ты говоришь, Анит? — удивляется Сократ и ссылается на славу софистов и богатство их, которое они достигли путем преподавания.

Но Анит непреклонен: безумны и юноши, дающие им деньги, еще безумнее родственники юношей, а всех безумнее города, терпящие софистов.

— Уж не обидел ли тебя, Анит, кто-нибудь из софистов, что ты так зол на них?

И тут-то выясняется, что Анит их и в глаза не видел:

— Нет, клянусь Зевсом: я ведь и сам ни с одним из них не имел дела и близким своим ни за что не позволил бы.

— Так ты и вовсе не знаешь этих людей?

— И не дай бог узнать!

— Так как же ты, милейший, можешь разобраться, что в этом деле есть хорошего и что плохого, если ты и вовсе не знаешь его?

— Легче легкого! Уж в них-то я разбираюсь, каковы они, знаю я их или нет, все равно.

Сократ знает, что он ничего не знает. Анит — знает все, даже и то, что софисты — страшная напасть, хотя он с ними и дела не имел.

Сократовской иронии противостоит абсолютная догматическая серьезность Анита.

Вернемся к диалогу. Сократ пришел в замешательство. Он просит Анита назвать Менону какого-нибудь человека, у которого тот мог бы научиться добродетели: сам-то он назвал Менону тех, кого считал учителями подобных вещей, но, согласно Аниту, — все это пустое. Вот что отвечает Сократу этот вождь народа:

— Зачем ему имя одного человека? С кем бы из достойных афинян он ни встретился, любой поможет ему стать лучше, если только он захочет слушаться — не то, что

софисты.

Все очень просто с государственно-официальной точки зрения. Аниту и невдомек, что Сократ и Менон уже не один час бьются над разрешением проблемы.

Сократ. А что же все эти достойные люди сами собой стали такими, ни у кого не учась, и при этом они способны других обучать тому, чему не учились сами?

Анит. Я считаю, что они обучились у достойных людей, которые жили раньше их. Или, по-твоему, мало рождалось в нашем городе доблестных мужей?

Это уже угроза. Сократ, однако, недаром "задирмостый". Он не убоится упрямства этого традиционалиста, спешащего прибегнуть к клише официальной идеологии. (Сама идея пародируется в платоновском "Менексене").

Сократ напоминает Аниту, что исследуют они не то, есть ли в Афинах хорошие люди, и не то, были ли они прежде. — Мы давно уже исследуем, можно ли научиться добродетели. — И Сократ предлагает Аниту рассмотреть относительно того, могли ли они передать свою добродетель, одного за другим знаменитых афинских политических деятелей, которые для Анита — один лучше другого, причем Фемистокл (первый, т.е. самый отдаленный, из рассматриваемых) — "намного доблестнее всех".

Оказывается, ни Фемистокл, ни Аристид, ни Фукидид, ни Перикл не смогли передать детям свою доблесть, хотя последние трое, безусловно, заботились об этом. — "Видно, добродетели научить нельзя", — заключает Сократ.

Какой же вывод делает Анит?

— Что-то, по-моему, слишком легко поносишь ты людей, Сократ. Если хочешь меня послушаться, я бы советовал тебе поостеречься. Может быть, в другом городе тоже легче делать людям зло, чем добро, а здесь и подавно. Впрочем, я думаю, ты и сам это знаешь.

Покушение на традицию не прощается. Само исследование канонизированных традицией мужей непочтительно, ибо нарушается эпическая дистанция, а тут еще оказывается, что они в некотором отношении несовершенны! Кроме прочего, Сократ поставил под сомнение

связь добродетели с традицией, предками (если добродетель передать нельзя) — а тут уже ~~р~~ один шаг до (или не есть ли это) развращения юношей. Анит негодует. В гневе он допускает даже естественное в такой ситуации противоречие: нарушает свой пиетет по отношению к городу (здесь легче, чем где бы то ни было делать людям зло). И хотя Сократ провел его в рассуждении шаг за ша~~г~~гом, и ему нечего возразить, он все равно з н а е т — то, что сейчас говорил Сократ — нехорошо.

Так вот Платон сталкивает этих двух людей: а б — с о л ю т н а я с е р ь е з н о с т ь одного — и р о н и я другого; абсолютная серьезность не допускает никакой фамилляризации предмета, находящегося в ее сфере, сам факт исследования этого предмета уже есть его фамилляризация. А прежде всего в сфере анитовской абсолютной серьезности — т р а д и ц и я, он великий традиционалист; так, т р а д и ц и о н а л и з м сталкивается с и с с л е д о в а н и е м. Наконец, в с е з н а — й с т в о Анита противостоит "н е з н а н и ю" Сократа.

Диалог с Анитом завершается еще одним очень интересным штрихом:

Сократ. Мне кажется, Менон, что Анит рассердился. Да я и не удивляюсь: он, во-первых, считает, что я порочу всех этих людей, а во-вторых, полагает, что и сам относится к их числу.

Эти люди — государственные деятели, политики. Сократ оказывается в противостоянии к любому реальному политику.

х х х

Белох, Майер, Виламовитц и другие настаивают, что Анит обвинял Сократа не из политических соображений. При этом они, ссылаясь на Исократу ("Против Каллимаха", 23) подчеркивают, что Анит был ревностным приверженцем амнистии.

Во-первых, следует иметь в виду, что замечание Исократу — это о б я з ы в а ю щ а я п о х в а л а (смотрите, Фрасибул и Анит, вы — люди, пользующиеся наибольшим могуществом в государстве, как бы не вышло так, что я вас зря хвалил и прославлял). Правда, случаем, когда бы амнистия была нарушена по инициативе Анита, мы действительно не знаем, их, вероятно, не было.

Но не в этом суть. Когда государство преследует инакомыслящих и лишает их свободы, мы говорим, что это политические заключенные. Когда один из вождей государства обвиняет кого-либо в том, что его взгляды не соответствуют официальным, и в пропаганде этих взглядов, — это политическое обвинение и политический процесс. Другое дело, что процесс Сократа не был вызван борьбой политических партий и что Сократа привлекли к суду не ради его связей с политиками-противниками демократии, хотя, как мы увидим, эти связи сыграли не последнюю роль в его осуждении. Что же, Анит, таким образом, мог без ущерба для общей политики своей группы удовлетворить свою неприязнь к деятельности Сократа, дать выход раздражению масс и заработать политический капитал — немалый: ведь разоблачил развратителя юншества. Кроме того, Анит мог попутно оправдаться от возможных упреков за то, что он совсем незадолго до процесса Сократа защищал Андокида, также обвиненного в нечестии (Андокид, 1,150). ^{х)} Мы не хотим, однако, создать впечатление, что Сократ пал жертвой политического интриганства Анита,

х) Процесс Андокида обычно датируется 399 г. Есть и другое мнение. Думать, что процесс Андокида предшествовал сократовскому, нас заставляет фраза из речи Лисия (или Псевдо-Лисия) против Андокида: "Вот насколько Андокид нечестнее Диагора Мелосского!" (а не Сократа) — У1, 17.

тот был, наверняка, искренним противником Сократа.

Анит поддержал обвинение, касающееся молодого поколения, и как приверженец "строга отцов".^{х)}

Итак, главную роль в обвинении Сократа сыграл политик.

Обвинения.

"Я хотел бы, граждане, чтобы наличие у нас обвинителей преступников было не только полезным для государства, но и повсеместно считалось человеколюбивым..."

Ликург.

Сократ, как известно, обвинялся в том, что он не признает богов, признаваемых государством, а вводит новых гениев, и в том, что он развращает молодежь.

Привести какие-либо доказательства непочитания государственных богов Сократом обвинители не могли. Со-

х) Некоторые видят в организации процесса Сократа борьбу с политическим индифферентизмом. (Следовательно, это должно быть отнесено к Аниту). Само по себе это вероятно, и нет никакого противоречия между политической оттеснения масс от реальной политики и борьбой с индифферентизмом. Напротив, чаще всего бывает так, что режим, наиболее последовательно оттесняющий массы от реального управления, болезненней всего реагирует на политический индифферентизм, особенно если он (т.е. режим) выдает себя не за то, чем он на самом деле является. В данном случае, однако, нет решительных данных за то, что такого рода обвинения предъявлялись Сократу на суде.

крат не был таким всезнайкой, чтобы отвергать что-либо лишь потому, что это мнение традиционное, мнение большинства, тем более в сфере столь полной загадок, как сфера, являющаяся предметом религиозного сознания. Поэтому он осторожно относился к народной религии и, подзревая, должно быть, что все это — вздор, все же исполнял обряды. Обвинители могли сослаться разве что на "даймонион" Сократа. Действительно, человек, утверждающий, что обладает какой-то исключительной персональной связью с чем-то божественным, не мог не вызвать раздражение судей. (но это уже область вопроса "почему был осужден Сократ?"). Построить же пространное обвинение в нечестии, ссылаясь на "даймонион", — невозможно.

И обвинители сосредоточили свои усилия на обосновании второго пункта обвинения. Это и понятно. Сократ, как ни один другой из современных ему философов, был тесно связан с молодежью. Еще в "Облаках" Аристофана Сократ, — по словам одного филолога, — представлен как развратитель младшего и антагонист старшего поколения. Развращение молодежи, по мысли обвинителей, состояло уже в том, что Сократ внушает свое нечестие молодым людям и добивается того, что они верят не в официальных богов, а в его "даймонион".

Но еще важнее было показать политический вред влияния Сократа на молодежь. Здесь, однако, мы сталкиваемся с источниковедческими трудностями. Обо всех такого рода обвинениях мы знаем от людей, на процессе не присутствовавших, прежде всего от Ксенофонта. Поскольку он сам на разбирательстве не был, то об обвинениях он мог знать из расспросов и, более всего, из какого-нибудь сочинения, направленного против Сократа. Таким сочинением был памфлет Поликрата, до нас не дошедший. Но даже если бы это сочинение попало в наши руки, все равно едва ли возможным оказалось установить, выдвинул ли впервые Поликрат те обвинения, которые приводит Ксенофонт, или же они высказывались уже обвинителями на процессе.

Вот эти обвинения: Сократ учил своих собеседников презирать установленные законы, критикуя выборы посредством бобов; подобные речи вызывают у молодежи презрение к установленному строю и склонность к насильственным действиям ("Воспом. о Сократе" 1, П,9).

Сократ учил презрительно обращаться с отцами, он внушал своим собеседникам убеждение, что делает их умнее отцов и указывал на закон, позволяющий заключить отца в оковы, если доказано его помешательство (П,49). Внушал он также и неуважение к родственникам, указывая, что в случае болезни или судебного процесса, помогают не родственники, а врачи или ловкие защитники (П,51).

Сократ приводил самые безнравственные места из поэтов, например, из Гесиода:

"Дело отнюдь ни одно не позор, а позор лишь безделье." Этим, дескать, он призывал не гнушаться никаким делом и внушал стремление к тирании.

Или из Гомера цитировал эпизод с Одиссеем, навещающим порядок в народном собрании (Ил. П,188), толкуя эти стихи в том смысле, что поэт одобряет, когда бьют простолюдинов и бедняков (П,56-58).

Таким образом, мы видим классический способ обвинения в инакомыслии: выхватить отдельные высказывания, частью совсем искажая их, частью, чтобы придать достоверность остальному, сохраняя реальную основу.

Ко второму пункту обвинения примыкает и упрек в дружбе с Алкивиадом ("Воспом. о Сократе", П,12) и дурное влияние на них Сократа — вот де его воспитанники.

Весьма вероятно, однако, что имя Алкивиада на процессе не упоминалось, и это обвинение впервые ввел Поликрат. Исократ, порицая Поликрата в "Бусириде", пишет о его сочинении против Сократа: "Приступив же к обвинению Сократа, ты, сдвонно желая возвысить его, утверждал, что его учеником был Алкивиад, между тем, никто не слышал, чтобы Алкивиад учился у Сократа, но все согласятся, что он был одним из самых выдающихся греков."

Вторая часть фразы наглядно показывает, насколько справедливы ссылки Исократ на "всех". Оратор, правда, не говорит, что Алкивиад вовсе не был знаком ~~их~~ или даже дружен с Сократом. Тем не менее, утверждение Исократ выглядело бы странно, если осужденному философу уже во время громкого разбирательства вменяли в вину, что его учеником был Алкивиад. Немного далее Исократ говорит следующее: "если у покойного Сократа появится какая-либо возможность оценить сказанное тобой, он будет, пожалуй, испытывать к тебе такую благодарность за твою обвинительную речь, какую он никогда не испытывал ни к одному из тех, кто обыкновенно хвалит его" (X1,5-6). То есть Поликарп говорит нечто новое, чего Сократ, так сказать, еще не слышал (и, следовательно, кто-нибудь другой тоже).

Относительно же того, что имя Крития фигурировало и в речах обвинителей, у нас нет никаких сомнений. Этот факт засвидетельствован очень важным показанием Эсхина в речи "Против Тимарха", в 345г, до н.э.: "Когда-то, афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он оказался наставником Крития, одного из Тридцати, ниспровергнувших демократию..." Эсхин выступает перед народом. Процесс Сократа интересует его лишь как прецедент осуждения одного человека за пагубное влияние другого. (Эсхин метит в Демосфена, защитника Тимарха). Поэтому его слова в значительной степени должны отражать широкое общественное мнение, он говорит о процессе Сократа примерно так, как это осталось в народной памяти. ^{х)}

х) При целой серии допущений можно даже предположить, что Эсхин был знаком с какими-то протоколами по делу Сократа. Ему, некогда бывшему секретарем Совета, было привычно иметь дело с архивными документами.

Таким образом, несомненно, что обвини^{ения}~~тели~~ в близости с Критием было одним из решающих в деле Сократа.

Амнистия в целом соблюдалась. Но массы в своей нелегкой жизни должны были иметь время от времени отдушину для своего раздражения. Это должен был учитывать и Анит, если желал сохранить свое влияние. Едва ли это обвинение прозвучало в речи Анита, но присутствие его — самого идеолога политики амнистии — развязывало руки. Как не осудить воспитателя Крития — одного из вождей Тридцати, самого кровавого тирана и безбожника? При этом Сократ ведь течением событий оказался среди "городских", среди Трех тысяч. Он ведь не изгонялся из города. А мы знаем, что Тридцать закрыли доступ в город всем остальным. Сократа привлекли к суду, разумеется, не ради его давней-предавней дружбы с Критием (как это сразу бы стало известно человеку, собиравшему обвинения против Сократа и, следовательно, как-то изучавшему его жизнь и деятельность). Но обвинители не могли найти другого, столь сильно действующего аргумента и умело ~~их~~ использовали его. Итак, самый сильный аргумент (т.е. способ доказательства обвинения, а не само обвинение) обвинителей основывался на сознательном обмане.

С у д ь и.

"Решать по справедливости вы, я думаю, и сами готовы. Доверяя этому, я ведь и отважился на судебный процесс..."

Андокид.

Судьями Сократа были афиняне-гелиасты. Их собралось едва ли больше 501 — обычного минимума, полагавшегося

для слушания дела. У государства не было денег, чтобы собрать одновременно тысячу или полторы тысячи присяжных даже ради такого важного процесса.

В социальном отношении судьи — по преимуществу беднейшая часть гражданства, люди, неудовлетворенные судьбой, претерпевшие несчастья вместе с государством, либо согнанные на долгие годы спартанцами со своего клочка земли и нашедшие его теперь в полном запустении, либо изгнанные из города тиранами, возвратившиеся теперь к ограбленному имуществу. Поэтому, когда речь заходит о бедствиях города, они становятся суровы. Ведь не по своей же глупости или недостатку доблести обрели они все эти напасти. И если им показывают виновника несчастий, они рады выместить на нем свое озлобление за прошлые горести и глубокую неудовлетворенность настоящим.

В политическом отношении судьи — "п и р е й ц ы". Это совершенно ясно из речей Лисия (XXV; X,4 и другие). Они-то и восседали на деревянных скамейках, покрытых камышовыми циновками, они-то и решали участь Сократа (насколько это было в их власти). Поскольку серьезных доказательств преступной в глазах афинян деятельности Сократа не могло быть, постольку понять, почему был осужден Сократ, — значит, в огромной степени, понять причины психологической неприязни к нему. Об этом немного скажем в другой главе.

Еще один нюанс: в Гелиэе (народном суде) могли заседать граждане начиная с тридцатилетнего возраста. При этом в ней преобладали люди пожилого возраста, о т ц ы с е м е й с т в. Молодые люди имели возможности добыть лучший заработок, чем три обولا за судебный день. Таковыми — людьми солидного возраста, отцами семейств — изображает гелиастов и Аристофан. Он может преувеличивать, но не искажать существа действительной картины.

Таким образом, если главным обвинителем Сократа

для слушания дела. У государства не было денег, чтобы собрать одновременно тысячу или полторы тысячи присяжных даже ради такого важного процесса.

В социальном отношении судьи — по преимуществу беднейшая часть гражданства, люди, неудовлетворенные судьбой, претерпевшие несчастья вместе с государством, либо согнанные на долгие годы спартанцами со своего клочка земли и нашедшие его теперь в полном запустении, либо изгнанные из города тиранами, возвратившиеся теперь к ограбленному имуществу. Поэтому, когда речь заходит о бедствиях города, они становятся суровы. Ведь не по своей же глупости или недостатку доблести обрели они все эти напасти. И если им показывают виновника несчастий, они рады выместить на нем свое озлобление за прошлые горести и глубокую неудовлетворенность настоящим.

В политическом отношении судьи — "п и р е й ц ы". Это совершенно ясно из речей Лисия (XXV; X,4 и другие). Они-то и восседали на деревянных скамейках, покрытых камышовыми циновками, они-то и решали участь Сократа (насколько это было в их власти). Поскольку серьезных доказательств преступной в глазах афинян деятельности Сократа не могло быть, постольку понять, почему был осужден Сократ, — значит, в огромной степени, понять причины психологической неприязни к нему. Об этом немного скажем в другой главе.

Еще один нюанс: в Гелиэе (народном суде) могли заседать граждане начиная с тридцатилетнего возраста. При этом в ней преобладали люди пожилого возраста, о т ц ы с е м е й с т в. Молодые люди имели возможности добыть лучший заработок, чем три обولا за судебный день. Таковыми — людьми солидного возраста, отцами семейств — изображает гелиастов и Аристофан. Он может преувеличивать, но не искажать существа действительной картины.

Таким образом, если главным обвинителем Сократа

был политик, — осудили Сократа родители, отцы семейств. Родители и политики — это те социальные роли, для которых в высшей степени свойственно полагать, что они знают, как надо. И те, и другие были также прямо заинтересованными сторонами в политическом процессе, связанном с конфликтом поколений.

Суд над Сократом.

"Итак, господа судьи, я думаю вы все видите, что я говорю правильно, а он так бестолков, что не может понять смысла сказанного в законе. Поэтому я хочу дать ему наставление об этом предмете на основании других еще законов: быть может он хоть теперь на трибуне научится и на будущее время не будет доставлять нам хлопот."

Лисий.

Суд над Сократом состоялся весной 399 г. Сократу в это время было семьдесят лет. Почему именно теперь Сократ предстает перед судом? Виламовитц приводит одно очень простое и столь же остроумное объяснение: причина в успехе его деятельности. Вокруг него стало много народу, юноши из лучших семей, ради него приезжают из Мегар и Фив, с Киренаики и Понта; Аполлодор говорит о новой жизни после встречи с Сократом. Состоявшийся процесс — указывает Виламовитц, — имел и свой особый повод, который, однако, трудно угадать.

Кажется, все же есть некая закономерность в том, что Сократ был обвинен и осужден не при старой демократии (хотя чуть было не поплатился жизнью во время суда над аргинусскими стратегами) и не при тирании (хотя ~~он~~ он близок был к смерти), а при реставрированной демократии. Ее ориентация на отцов, на освященное традицией прошлое, ее мифотворчество сталкивались с вечным сократовским исследованием, захватившим и часть молодежи.

Дело Сократа было передано в Гелию. Вообще вопросы святотатства были в компетенции Совета Ареопага. ^{х)} И тот факт, что дело Сократа (как и Андокида) разбиралось в гелие еще раз подчеркивает политический характер процесса.

О том, какие обвинения против Сократа выставили обвинители — Мелет, Ликон и Анит, — мы уже говорили в главе IV (насколько это вообще известно). Что же сказал в свою защиту Сократ? Мы уже не раз подчеркивали свое доверие платоновской "Апологии". Сознавая, что она не является стенограммой, мы убеждены в ее точности по существу. Ксенофоновская "Апология Сократа" как исторический источник не имеет самостоятельного значения.

Итак, мы не будем здесь пересказывать защитительную речь Сократа. Оставим также в стороне вопрос, почему Сократ говорил так, а не иначе. Нас интересует лишь реакция судей на его речь. Отметим только одну особенность речи Сократа: он отказывается от специальной подготовки защитительной речи, т.е. отказывается вести обычную защиту, в том числе — опровергать один за другим аргументы обвинителей и их обвинения.

От речи Сократа зависело многое. Это ясно из резкого изменения количества голосов против Сократа после его второй речи о наказании (на 80, согласно Диогену Лаэртию — II, 42).

х) Впрочем, Сократа обвиняли в посягательстве не на культовую практику, а религиозную идеологию.

Процесс Сократа указывает на существование в Афинах конфликта между поколениями. Есть у нас об этом и другие сведения. Сократ не отвечает на речи обвинителей пункт за пунктом.^{х)} Он рассказывает о себе, каков он есть. И пусть афиняне судят сами, развращает он молодежь или нет.

Он ничего не говорит определенного, разделяет он народную религию или нет. Не скажет: я безусловно верю, афиняне, во всех богов, которых признает государство, и никогда не помышлял думать иначе. Он словно не видит, что здесь он обвиняемый, почти преступник, он словно не понимает, что нужно отвечать на обвинения, будто он не знает и обычаев города, будто он недавно приехал, а не прожил в нем всю жизнь. Он все делает "не так", будто он не знает, как надо делать.

Он не хочет просить судей о милости, привести детей; он говорит о какой-то своей особой близости к чему-то божественному; свою деятельность, которую судьи, может быть, сейчас признают преступной, он пытается объяснить божественным указанием; его обвиняют, а из его речи выходит так, что Дельфийский оракул признал его мудрейшим, — он держит себя совсем не как обвиняемый и вообще как никто, кроме него.

На часть судей речь этого удивительного человека произвела огромное впечатление. Ведь никаких оснований для симпатии к Сократу, кроме, разве его бедности, у судей не было.

Пелопонесская война и ряд прочих причин вызвали внутреннюю неустойчивость государства. Возобновилась борьба между олигархами и демократами: процесс гермокопидов и о профанации мистерий 415г., переворот 411г.

х) Впрочем, в речах обвинителей должны были преобладать общие места, а не конкретные доводы и обвинения.

Наконец, Афины терпят сокрушительное поражение в изнурительной войне, прощаются со своим могуществом, срывают Длинные стены и проч., после чего устанавливается кровавая тирания Тридцати. В первые годы реставрации демократии и раны еще слишком свежи, и обстановка продолжает оставаться напряженной: враги демократии в Элевсине, город крайне слаб, постоянно может опасаться вмешательства спартанцев. В такой ситуации массовый психоз, поиски виновных, легкая раздражимость — нечто совершенно естественное. И обвинение в безбожии в такой период — особенно опасное обвинение. В такой момент религия отцов является связующим мифом (...наши боги...наши отцы...наше славное прошлое...наш город...), и поэтому посягательство на этот миф воспринимается как посягательство на всех и все. Ведь такова и подоплека самых скандальных, имеющих чуть ли не катастрофические следствия, дел в Афинах — процессов 415 г. и процесса стратегов в 406 г. до н.э.

В такой обстановке вызывает раздражение человек, вечно что-то исследующий, иронизирующий, разрушающий монолитную серьезность переживаемой трагедии.

Столь же тяжким является обвинение в развращении молодежи. В этом видят угрозу преемственности поколений, традиции, и настоящим — и без того очень сложным — отношениям между поколениями, наконец, будущему города. При малых масштабах античного полиса проблема стояла особенно остро. Сократ, таким образом, мыслился как разрушитель самых существенных связей. Между тем, он приобрел огромную популярность.

Кроме того, этот человек — не как все. Он ставит себя выше большинства. Это подозрение — нетерпимое для многих граждан из демоса, особенно в период реального умаления роли афинского демоса. "Не ставь себя выше большинства!" — грозно окрикнет Эсхина Демосфен (XIX, 296).

Большинство граждан в любом обществе являются пассивно-равнодушными верноподданными и тем самым правоверными. При демократии подавляющее большинство гелиастов были, естественно, таковыми. Какое оправдание от столь

тяжких возведений на него обвинений против государства услышали судьи от Сократа, этого воспитателя Крития и других?

Отвечать "конкретно", "по существу", "не увиливая в сторону" (он ведь предстал перед судьями, которые все такие "штучки" насквозь видят) он не удостоил. Он, правда, показал, что главный его обвинитель — человек легкомысленный. Но разве таков Анит? Сократ, как будто, высказал себя человеком не изнеженным и не корыстолюбивым, но не подкоп ли под государство — учить юношей, что в Афинах невозможно честно заниматься политикой? (Если бы Сократ сослался на подкупность, нечестность и т.п. ораторов, он встретил бы у судей как раз сочувствие. Но не таков был Сократ.) Он формально не опроверг ни одного обвинения. А те особенности его защитительной речи, о которых было сказано, чуть выше, у части судей должны были вызвать сильнейшее раздражение.

Он и был осужден. Присутствие Анита среди обвинителей и поминание Крития сыграли тоже важную роль. Сравнительно небольшой перевес голосов (280:221) объясняется его блестящей защитной речью. Многие судьи не без колебания, лишь под сильным влиянием ее проголосовали за невиновность Сократа.

х х х

Как Сократ не опроверг предъявленных ему обвинений формально, так и у обвинителей не было никаких доказательств преступных действий Сократа. Он не учреждал гетерий, не устраивал заговоров, никого не призывал к перевороту, соблюдал установленные обряды. Его судили за слово. Сократовское слово было нетерпимым. И еще сам он вскрыл простую сущность своего осуждения: "Сейчас, совершив это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни". Сократу хотели попросту закрыть рот.

7. Сократ и афинская демократия.

"...а вот вам способ и самый хороший и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше."

Сократ, из речи на суде.

Нормальное функционирование демократии связано, в частности, с о с в о б о д о й критики, оппозиции. Это компенсирует такой, например, ее минус, по сравнению с другими государственными устройствами, как недостаточный уровень профессиональности государственных деятелей, выбранных в значительной части по жребию из всех граждан на непродолжительный срок и проч. Но речь идет не о недостатках или достоинствах. Важно подчеркнуть необходимую связь между свободой и нормально функционирующей демократией. Правда, для древних демократия не столь однозначно ассоциировалась со свободой. Тем не менее, свобода осознается как важнейший политический принцип ее. Сошлюсь на известное рассуждение о демократии у Платона в восьмой книге "Государства":

— Что же она, по-твоему, определяет как благо?

— С в о б о д у. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по природе.

— Да, подобное изречение часто повторяется.

Важнейшей частью свободы в демократическом государстве является свобода слова. Как иначе, чем через свободное слово, народ может выразить свою свободную волю?

Между тем, что мы наблюдаем в Афинах в конце 5 - нач. 4 вв. до н.э. ? - Идет - правда, медленное и сложное - наступление на комедию; Сократа за его попытку "не в меру" воспользоваться свободой слова заставили выпить яд; Исократ в "Бусириде" жалуется на тяжелые времена для философов - философия находится в смертельной опасности и подвергается нападкам; именно в такой ситуации слово "софист" превращается в бранное /ведь это дело рук философов и ораторов, спешивших отмежеваться от официально осуждаемой философии, которую тогда представляли так называемые "софисты"/.

Таким образом, процесс Сократа, наряду с другими только что отмеченными явлениями, является свидетельством проявления антидемократических тенденций со стороны правящей демократии - как это ни парадоксально.

- Скажи, Анит, когда ты хочешь, чтобы жена разогрела тебе обед, что ты делаешь?

- Я прошу ее это сделать.

- Каким образом ты просишь ее?

- Я говорю ей.

- И у тебя нет лучшего способа выразить свою волю?

- Да нет же...

- Так. А когда ты хочешь, чтобы тебе принесли протокол какого-либо собрания - народа или Совета, - что ты делаешь тогда?

- Я прошу об этом секретаря.

- Каким именно образом?

- О, Сократ, воистину ты пустой человек.

- Наверное, Анит, но будь так любезен, ответь нам, ради богов.

- Пожалуйста. Я говорю ему.

- А если его нет на месте?

- Прошу кого-нибудь передать.

- Следовательно, тоже говоришь?

- Да, говорю.

- А когда ты хочешь что-либо поведать народу,

довести что-нибудь до его сведения, ты как поступаешь?

— Выступаю с речью, Сократ, то есть говорю, чтоб ты больше не спрашивал.

— И у тебя нет лучшего способа, чтобы выразить свою волю, во всех этих случаях?

— Нет, а что?

— Как ты думаешь: может быть этот вот Аполлодор располагает каким-нибудь другим, более удобным способом выразить свою волю?

— Не думаю.

— А этот вот Антисфен?

— Точно также.

— А я? Как тебе кажется, Анит?

— Да и ты, Сократ, не исключение.

— А все люди вообще?

— Вот тут ты ошибаешься, Сократ.

— В чем же именно? Открой нам скорей, пожалуйста.

— Для немых, Сократ, сказать— едва ли ~~ни~~ лучший способ выразить свою волю.

— Это ты мудро заметил, Анит. Ну, а для того самого большинства, о котором ты так печешься, это останется верным? Можем ли мы сказать, что у большинства нет лучшего способа выразить свою волю, чем словом?

— Можем, Сократ. Так следует из нашего рассуждения.

— Так каким же образом, Анит, ты сможешь узнать волю большинства и выполнить ее, если ты будешь затыкать рот каждому в отдельности? Ты верно, прорицатель, Анит?

С кризисом демократии, с антидемократическими тенденциями внутри нее связано и политическое мифотворчество. Оно рука об руку идет с идеологической нетерпимостью. Кому, казалось бы, в демократическом государстве нужны мифы? Мифотворчество растет по мере отчуждения масс, оттеснения их от реальной политики, умаления их реальной роли (пусть даже в результате внешнеполитических обстоятельств). Именно в такой ситуации государственные деятели для сохранения своего влияния и достижения своих, вовсе не обязательно эгоистических целей прибегают к поддержанию в массах политических мифов, чтобы народ чувствовал себя симпозиархом, а не получившим остатки на пире.

Суд над Сократом целиком основывался на мифе: будто в бедствиях и трудностях государства повинен какой-то один человек (вариант: какие-то люди), и невинный афинский демос страдает по его вине. Этот миф настолько вошел в общественную психологию афинян, что обвинители Сократа, бесспорно, не осознавали его.

Самым большим мифом были непомерно раздутые деяния предков, традиция, связь афинян со всем прошлым отцов. Этим мифам было тем легче произрасти, что они основывались на росте национального самосознания, интереса к своему историческому прошлому, пробудившемуся после Персидских войн. Демос не был связан родословными с богами и героями, с эпико-героической традицией. Демократия была наиболее фамильяризованной властью, но она стремилась это быстро преодолеть, связать себя с ценностно-абсолютным прошлым. Миф начинается тогда, когда традиция становится непрекращаемой ценностью, а восприятие ее — абсолютно серьезным, всякое же фамильярное отношение к ней (в том числе и попытка ее) считается предосудительным и карается. В этом смысле показательным является не только обвинение Сократа Анимом, но и принятый закон, запрещавший комедии

фамильярное отношение к памяти тираноборцев Гармония и Аристокрита. (Гиперид, II, фр. XX1,3).

Миф начинается и тогда, когда при решении каждого важного вопроса апеллируют к деяниям предков как несомненной высшей ценности. Когда в официальных эпитафиях всякий раз выстраивают непрерывный ряд славных деяний начиная с войны с амазонками. Когда важнейшим элементом государственного предания становится легенда об автохтонности. Когда сама демократия начинает мыслиться как исконно присущая афинянам. Уже в "Просительницах" Еврипида Тесей выступает как идеолог демократии. Впоследствии представление о Тесее как основоположнике демократии стало общепризнанным. Оно отразилось и в его "биографии", написанной Плутархом.

Освящение настоящего непрерываемым авторитетом прошлого способствовало большей идеологической нетерпимости в этом настоящем. Причем дело не только в выгодах политиков. Сам победивший демос стал носителем консервативной тенденции в идеологии.

Мы видели, какую важную роль вся эта линия идеологического развития сыграла в привлечении Сократа к суду и его осуждении.

Постоянная ориентация на прошлое, предков, традицию (осмысленную в виде, оправдывающем современность), реставрация "строя отцов" означали одновременно политику к о н с е р в а ц и и настоящего (ведь восстанавливается идеальное состояние времени отцов, и следует заботиться только о том, чтобы ничего не изменилось). А такая политика консервации — дурной симптом для любого общества. Поскольку строим отцов мыслилась демократия, то ее реставрация совпала с декларированной реставрацией идеального прошлого (вот, кстати, еще один миф), и консервативной оказывалась демократия.

Очевидно, насколько чужой такая политика оказывалась Сократу с его вечным поиском и испытанием, с его иронией и диалогическим принципом "незнания".

Конфликт поколений также говорит о социальном не-устройстве общества. Процесс Сократа — одно из самых ярких появлений этого конфликта.

Мы рассмотрели те аспекты кризиса афинской демократии, которые проявились в процессе Сократа. Мы лишь один раз убедились в логичности этого события. Мы увидели в процессе Сократа проявление антидемократических тенденций, вызревавших в недрах демократии.

Сократа обвинила и осудила консервативная демократия реставрации.

Сократ, вероятно, должен был прийти в конфликт (но менее острый) и с "классической" афинской демократией. Следует, однако, иметь в виду, что только демократические Афины могли дать миру Сократа, только в Афинах могла развернуться его деятельность, только в Афинах, оставаясь самим собой, он мог дожить до семидесяти лет.

Н е с к о л ь к о п р е д в а р и т е л ь н ы х
з а м е ч а н и й о п о л и т и ч е с к и х
в з г л я д а х С о к р а т а .

I/. Здесь мы сталкиваемся с очень существенными трудностями. Никакой политической нормы Сократ, разумеется, не создавал и вообще, как мы отмечали, в сократовском не так много идей, которые можно было бы рассматривать вне их диалогического контекста, вне их связи с говорящим Сократом. В дальнейшем мы будем говорить о сократовских принципах, имея это допущение в виду. Наконец, для анализа идей, отделенных от их носителя, особенно остра проблема: Сократ или Платон. Нам ничего не остается, как выбрать следующий критерий: совместен ли данный рассматриваемый принцип с теми сократическими принципа-

ми, которые мы точно установили. Более того, по этим последним принципам попытаемся реконструировать возможное отношение Сократа к демократии и государству.

Еще один критерий: несоответствие заведомо несократовскому. Заведомо несократовское – "Законы", "Политик", "Государство" (большую часть). В "Законах" Сократ вообще не участвует, в "Политике" он лишь присутствует, при этом некий Чужеземец, направляющий разговор, постоянно обращается к Сократу Младшему: Платон не может себе позволить поучать Сократа, он поучает Сократа Младшего. "Государство" несократовское по самой затее – создать и д е а л ь н о е, да еще с подробным, если не мелочным регламентом государства, несократовское оно также по сходству с "Законами".

Этой группе сочинений Платона противостоит другая: "Апология", "Горгий", "Критон". Они отличаются от первой группы и по теме – человек в государстве, а не государство само по себе. Первая тема более сократическая. "Критон", однако, – это попытка Платона рационалистически объяснить прежде всего с а м о м у с е б е, почему Сократ не бежал. Все, что говорит Сократ в "Критоне", – это реконструкция Платона, как нам кажется, неудачная. В ней подозрительна чуждая Сократу о д н о – з н а ч н о с т ь, с у г у б а я я с н о с т ь.

Таким образом, наряду с "Апологией", о доверии к которой мы уже высказались, оставляем как достоверный источник диалог "Горгий".

На принцип несоответствия заведомо несократовскому могут привести возражение, что мы имеем дело лишь с эволюцией взглядов Платона. Но было бы странным, чтобы у Платона, столь почитавшего Сократа, взгляды с самого начала были существенно отличны от сократовских.

Кое-что можно извлечь из "Воспоминаний о Сократе". Кое-что объясняет биография Сократа.

2) Критическое отношение Сократа к современной ему афинской демократии очевидно. Из современных государственных устройств демократия наиболее чужда Сокра-

ту как форма, где с наибольшей легкостью преобладает наиболее некомпетентное мнение (отсюда его требование, чтобы государством управляли люди, сведущие в искусстве управления; за этим ничего коварного не стоит, Сократ попросту не хочет, чтобы государством управляли невежды). Особенно неприятны Сократу тоталитарные стремления демократии навязать всем свои готовые истины и уклониться от испытания. Сократу крайне неприятно мифотворчество. Но демократия, с другой стороны, Сократу ближе других современных ему форм как **н а и м е н и е д о г м а т и ч е с к а я** и как государство, в конце концов, с наибольшей свободой слова.

Сократу чужд всякий элитаризм — будь то право сильной личности (спор с Калликлом в "Горгии"), будь то знатность (Ксенофонт "Воспоминания о Сократе" 1, 2, 58-59), будь то интеллектуальный элитаризм / "Сократ был того мнения, что человек, заключающий в оковы ^{судя по} за недостаток у него образования, может быть на законном основании сам заключен в оковы людьми, знающими то, чего он не знает." — Здесь ("Воспоминания о Сократе" 1, П, 50) Ксенофонт вполне сократичен. Это совершенно соответствует сократовскому принципу "незнания".

А.Ф. Лосев, с его в целом неадекватной интерпретацией Сократа ("История античной эстетики"...), вместе с тем, справедливо отметил "демократизацию истины" у Сократа. Демократичны и повадки Сократа, и само его происхождение.

3) Сократу чужды все современные ему формы государственных устройств (демократия, по-видимому, меньше других. Но поскольку он живет в Афинах, постольку его критика адресована прежде всего демократии). Он говорит о **п р и н ц и п и а л ь н о й н е в о з м о ж н о с т и з а н и м а т ь с я п о л и т и к о й** в Афинах (и вероятно, где бы то ни было в известном ему мире. Афины Сократ называет величайшим городом). Сократу чужд **м о н о л о г и з м** любого государства.

4) Сократ выдвигает также новый принцип в политической мысли: Цель государственных деятелей — делать граждан лучше ("Горгий"). Этот принцип, в частности, означает: человек не средство государства, а — цель его; государство для человека, а не человек для олицетворения абстракции /ведь государство, в конце концов,— совокупность граждан/. Этот принцип — полная противоположность первейшему принципу тоталитаризма — безусловное подчинение гражданина государству и отказ от собственной личности в его интересах. И как антитоталитарный он пересекается, оказывается органически связанным с сократовским принципом "незнания", противостоящим всякой тоталитарности мысли.
